

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОЛОРИТ В ЖИЗНЕОПИСАНИИ
«ДИВАНА-И- МАШРАБ» В ПЕРЕВОДЕ Н.С.ЛЫКОШИНА**

Абдуллаева Барно Кадыровна

доктор философии по филологическим наукам, и.о.доцента

Ургенчский государственный университет им. Абу Райхана Беруни

Аннотация:

Статья посвящена анализу сохранения и передачи национального колорита в жизнеописании «Диванаи Машраб» — сборника стихов узбекского поэта XVII века Боборахима Машраба — в русском переводе Н. Лыкошина. Автор рассматривает особенности перевода культурно-специфических элементов, включая реалии быта, национальные образы, фольклорные мотивы и религиозно-философские концепты, характерные для среднеазиатской духовной традиции. Анализируются как удачные решения переводчика, так и случаи потери аутентичности, вызванные адаптацией текста для русскоязычного читателя. Особое внимание уделяется языковым средствам, с помощью которых Лыкошин стремится сохранить дух оригинала, а также отражению этнокультурных особенностей эпохи Машраба.

Ключевые слова: национальный колорит, культурная специфика, художественный перевод, узбекская литература, реалии, этнокультурные особенности

Говоря о переводе прозаических частей жизнеописания «Диванаи Машраб» следует отметить, что сам оригинал был известен под разными заглавиями («Қиссаи Машраб», «Девона Машраб», «Ғазали Эшони шоҳ Машраб», «Эшони шоҳ Машраби Девонаи Намангони» и т.д.) и в многочисленных редакциях. Эти списки могли иметь незначительные текстологические расхождения. Нам неизвестно, каким рукописным изданием пользовался Н.С.Лыкошин.

Одним из достоинств издания «Дивана-и-Машраб» в переводе Н.С.Лыкошина является то, что в нем помещена вступительная статья самого переводчика под

названием «Несколько слов от переводчика». Статья даёт возможность читателю коротко ознакомиться с творчеством Машраба как с поэтом и суфием, с сущностью учения суфизма. Статья даёт примечания и разъяснения самых употребительных суфийских терминов (каляндар, мурид, ханака и др.), сведения о других наиболее известных суфийских поэтах и философах. Тем самым читателю не остаётся надобности обращаться к комментариям самого простого содержания.

Любое художественное произведение отражает национальный дух, национальные традиции и быт через свое содержание, сюжет, идею. Кроме этого, язык произведения тоже является зеркалом национального быта.

Местный колорит передается большей частью словами, обозначающими специфические предметы быта этого народа. Роль этих слов в передаче национально- исторического колорита огромна.

Передача национального своеобразия произведений - очень важная проблема перевода. Особое внимание требует перевод слов, обозначающих специфические предметы быта народа, о котором говорится в оригинале. Дело в том, что эти слова безэквивалентны, т.е. не переводятся, так как в быте народа, на язык которого переводится оригинал, таких реалий нет. Но задача переводчика - передать эти слова-реалии, т.к. именно они в основном передают национально-исторический колорит.

Н.Лыкошин реалии оригинала передаёт в основном через примечания. Они для удобства традиционно даются не в конце книги, а внизу под текстом. Примечания разъясняют слова-реалии оригинала. Читатель глубже познает исторический и национальный колорит оригинала.

В остальных случаях слова-реалии вместе с ними национальное своеобразие оригинала переданы в переводе.

Воссоздание слов, обозначающих предметы национального быта путем транслитерации, встречается очень часто. Иногда даже в тех случаях, когда вроде бы и не требуется. Но глубокий анализ Н. Лыкошиным переводимого материала заставило его в таких случаях прибегать к другим способам передачи. Рассмотрим следующий пример. Оригинал: «...бу гўдакни етти кунлик бўлганда бешикка солдилар».

В переводе «Дивана-и- Машраб» говорится: «...когда исполнилось семь дней запеленали в бишике».

Здесь употреблено слово «бишик», хотя можно было употребить слово «колыбель». Но слово «колыбель» не передало бы специфичности предмета оригинала, т.к. бишик имеет другую конструкцию и методы пользования, а колыбель является специфическим предметом европейских народов. Эту разницу и поясняет Н.Лыкошин в примечании: «Бишик – колыбель. У среднеазиатских туземцев дома не отапливаются и потому новорожденного укладывают и пеленают в особую, сделанную из дерева колыбельку и пеленают так, чтобы мать могла кормить дитя грудью, не вынимая его из колыбели, а сама склоняясь к ребенку».

Иногда переводчик прибегал к описательному переводу, например в передаче терминов и понятий суфизма. Рассмотрим следующий пример.

Оригинал: «Аммо мулло Бозор охунд андоғ бузрук киши эрдилар, ҳар вақтки зикр этсалар оғизларидан ўт чиқар эрди»,

«Святой мулла Базар Ахунд был такой великий человек, что, когда, он

Перевод: «Святой мулла Базар Ахунд был такой великий человек, что, когда произносил имя Боже, из уст его выходил огонь».

Здесь слово «зикр» заменяется сочетанием «произносил имя Боже», что оправданно. Зикр в суфизме – это восхваление Бога, чтобы довести себя до экстатического состояния. В примечании Н.Лыкошин об этом говорит: «Зикр – вообще произнесение эпитетов Божих у суфиев, зикр представляет нечто вроде падения сектантов и состоит в произношении на разные лады имён Аллаха».

Согласно теории перевода, есть два принципа воссоздания национального колорита. Об этом известный теоретик художественного перевода А.В.Федоров говорит: «Гёте в своей речи, посвященной памяти Виланда ..., следующими словами характеризовал эти два пути: «Существует два принципа перевода: один из них требует переселения иностранного автора к нам, так, чтобы мы могли видеть в нем соотечественника; другой, напротив, предъявляет к нам требование – самим отправиться к этому чужеземцу и применить к его условиям жизни, складу его языка, его особенностям».

International Conference on Scientific Research in Natural and Social Sciences

Hosted online from New York, USA

Website: econfseries.com

2nd June, 2025

В теории перевода правильным и желательным считается рациональное сочетание этих двух принципов. Из рассмотренного выше примера видно, что Н.Лыкошин старался сочетать оба этих принципа. Однако в некоторых случаях он прибегал к одному из этих принципов. Например, иногда переводчик слова-реалии оригинала, передает словами, обозначающими реалии европейских народов. Об этом говорит следующий пример:

Оригинал: «Девонани жунунлари туғён килиб, сеторни қўллариға олиб, бу мухаммасни ўқудилар»...

Перевод: «Ша Машрабом овладел восторг, он взял в руки трёхструнную гитару сказал следующий мухаммас»...

Следует отметить, что слово «гитара» обозначает специфический музыкальный инструмент европейских народов. Сетар – музыкальный инструмент среднеазиатских и вообще восточных народов. Он отличается от гитары и построением, и звуком, также по колоритности. Гитара ассоциируется с образом европейца. У русского читателя создается впечатление, что гитара была и узбеков XVII века.

Такая же погрешность есть и в следующем эпизоде: Оригинал: «Қизлар айдилар: Эй, девона, нағма қилиб ғазал ўқунг, бизлар тамоша қилолук».

Перевод: «О юродивый», – сказали девушки. «Поиграй и скажи газаль, а мы слушаем».

Передача слова «девона» словом «юродивый» искажает национальную специфику оригинала. Хотя и девона на Востоке, и юродивый в России занимались одним и тем же: странствовали по свету, импровизировали стихами и песнями и религиозно-нравоучительного или мистического характера, были «божьими людьми», всё-таки отличительные черты у них были. Во-первых, «девона» - это специфическая реалия Востока, Средней Азии, «юродивый» - дореволюционной России. Во-вторых, первый относится к исламу, а второй – христианству.

Надо отметить и то, что в этом отрывке слово «ғазал» транслитерировано как «газаль». Это слово впоследствии подчинилось фонетическим нормам русского языка. Сейчас оно в русском языке звучит иначе - «газель».

В некоторых случаях переводчик употребляет слова-модернизмы. Это не только не передает национального своеобразия оригинала, но и переносит события в другую эпоху. Это видно из следующего примера:

Оригинал: «...шоҳ Машраб бу сўзларни деб, неча манзил йўл юриб Қўкшир ёйлоғига етиб, ул биёбонни шаънига бу мухаммасни ўқудилар»...

Перевод: «Машраб, прочтя этот мунаджат, прошел несколько станций и достиг Кок-шир-Байляга. Увидев эту пустыню, он произнес следующий мухаммас»...

Здесь слово «станция» передаёт значение транспортной остановки. Слово «манзил» можно было перевести словом «местность».

Кроме этого, омонимичность слов стало причиной многих смысловых неточностей в переводе. Рассмотрим пример:

Оригинал: « ...эрлари бу ҳолни кўриб айтдилар:

«Эй хотун, нима учун мунча истироб бирла йиғларсиз ?»

Перевод: «Видя такое ее состояние, муж ее сказал:

О женщина! О чем ты плачешь с таким отчаянием?»

В оригинале обращение мужа к жене «хотун» имеет смысл «супруга». Это специфическое обращение на Востоке мужчин к своей жене. В переводе это звучит как обращение к чужой, незнакомой женщине.

К смысловой неточности приводит и дословный перевод. Например:

Оригинал: «Худойи таоло сизга бир фарзанд ато қилибдур»...

Перевод: «Бог, посылающий изобилие и Всевышний, послал тебе дитя»...

Создаётся впечатление, что дитя послано двумя лицами: Богом и Всевышним. Можно было употребить только слово «Всевышний», то есть, «Всевышний, дающий изобилие, послал тебе дитя»....

В переводе этого эпизода есть и тавтология « посылающий – послал».

В заключении можно сделать некоторые выводы. В переводе Н.С.Лыкошина национальное своеобразие оригинала жизнеописания «Дивана-и- Машраб» воссоздано хорошо. При этом переводчик пользовался следующими способами:

1) примечания; 2) примечание с описательным переводом; 3) транслитерация.

Несмотря на вышеуказанные недочеты в переводе Н.С.Лыкошина, следует отметить, что он как первый опыт сыграл своеобразную роль в развитии культурных взаимоотношений узбекского и русского народов.

Литература:

1. Дивана-и-Машраб. – Ташкент, 1992.
2. Қиссаи Машраб. – Тошкент: Ёзувчи, 1992.
3. Машраб. Избранное. – Ташкент, 1980.
4. Федоров А.О художественном переводе. – М.: Высшая школа, 1968.